

ИРИНА МЕДВЕДЕВА, ТАТЬЯНА ШИШОВА

НАШЕ НОВОЕ “ВСЁ”

Мы часто слышим, читаем и произносим клише “смена ценностей”, “изменение ценностных ориентиров”. И как-то само собой разумеется, что это все не про нас. Что это злые масоны, мировая закулиса, отъявленные либералы и прочие недруги России с помощью изощренных манипуляций воздействуют на обывателей, которые верят телевизору, рекламе, газете “Московский комсомолец”. Нас же, верующих в Бога, на мякине не проведешь.

И действительно, приобщение к православию очень многое расставляет по своим местам. Хотя основоположники марксизма и называли религию опиумом для народа, она-то как раз и отрезвляет. Пускай не сразу, но неуклонно. Не будет воцерковленный человек смотреть непристойные фильмы, ставить во главу угла богатство или карьеру, жить по принципу джунглей, где сильный пожирает слабого.

Но есть некая область, в которой изменение ценностных ориентиров все же произошло тотально. Можно сказать, у всего народа. Причем довольно давно.

“Главное — здоровье!”

Не беремся точно определить когда, но полвека-то уж точно здоровье стоит в ряду основных ценностей человеческой жизни. А в последние годы все уверенней претендует на место самой главной ценности. Раньше про здоровье любили порассуждать главным образом старики. Сейчас даже пятилетние дети, подражая взрослым, желают друг другу крепкого здоровья. А взрослые прочно усвоили неизвестно кем придуманную формулу. И в телефонных разговорах, и на перронах вокзалов, и в застольях — везде, где надо выразить дружеское расположение, — звучит одно и то же: “Главное — здоровье! Остальное приложится”.

Чуть ли не самая частая вывеска в современной Москве — “Аптека”. Иногда приходится две аптеки на один дом. А вот булочные, которые раньше были на каждом углу, почти исчезли. Нет, хлеба-то пока, слава Богу, достаточно. Его можно купить и в обычном продовольственном магазине, и в супермаркете, и в ларьке. Дело в символической замене: лекарства стали как бы важнее хлеба.

Вы скажете: “Народ у нас гнилой, болезненный, потому и аптек так много”.

Так ведь принимают лекарства не только больные, но и здоровые. Для профилактики. Ведь пищевые добавки, распространившиеся в последние годы, — это не что иное, как непроверенные лекарства. Назвал добавкой — и можно не проводить клинических испытаний, а, утвердив в соответствующей инстанции, выбросить на рынок. Пусть доверчивый потребитель ест себе на здоровье. Недаром они называются пищевыми.

Впрочем, и апробированные, “нормальные” лекарства сейчас все чаще не принимают, а едят. Почти как хлеб. И это не замедлило отразиться в языке, который вообще очень чутко реагирует на общественные изменения. Многие уже говорят: “Пойду съем (а не приму!) таблеточку”. Или: “Ты вечерние лекарства сегодня ел (вместо “принял”)?”

А сколько изданий посвящено здоровью! Сколько народу приходит на встречи с коллективами авторов этих изданий! Какая оживленная переписка завязывается между людьми, которые делятся рецептами оздоровления!

Мания здоровья не обошла и школу. С невероятной скоростью стали плодиться авторские программы валеологии (“vale” по-латыни “будь здоров”), программы здорового образа жизни. Наряду с уроками математики, физики и литературы появились уроки здоровья, на которых учащимся рассказывают, как ухаживать за кожей и волосами, как следить за правильной работой гипофиза и “слушать пение кишок” (цитата из одной популярной программы для первоклассников).

О том, что такие уроки здоровье отнюдь не укрепляют, поскольку повышают уровень тревожности, способствуют возникновению ипохондрических неврозов и усугубляют уже имеющиеся психосоматические заболевания, мы когда-то писали, повторяться не будем. Нас сейчас интересует другое – идеология данных программ. А она во всех, независимо от авторов и названий, одинакова: “Человек не может быть счастлив, если у него проблемы со здоровьем. Только идеально здоровый человек может обрести полноту счастья”. В некоторых программах это декларируется прямо, в остальных подразумевается.

Как принято выражаться, “мне это что-то напоминает”. Собственно, та же идеология положена в основу “планирования семьи”, адепты которого неустанно твердят, что каждый ребенок должен быть здоровым и желанным.

Правда, там на этом не останавливаются, а делают логический вывод, что нездоровым и нежеланным на свет появляться не стоит. Поэтому гуманно прекратить их страдания буквально в самом зародыше. Ведь они будут несчастны, а человек создан для счастья.

Конечно, если стоять на позиции примитивного рационализма (а рационализм всегда в той или иной степени примитивен), больной человек счастливым быть не может. Он ведь столько лишен. Ему не дано в полной мере наслаждаться жизненными благами, жизненными удовольствиями, которые доступны здоровым.

Впрочем, тут, если вдуматься, рационализм дает осечку. Теоретически – да, боль терпеть людям не хочется, а хочется иметь здоровые зубы, здоровые ноги, здоровый желудок. Но кроме потребности в телесном комфорте, у человека есть еще потребность в любви. И эта потребность уж во всяком случае не меньшая (а может, и большая). Иначе не страдали бы так даже вполне здоровые и ухоженные детдомовские дети, лишенные материнской ласки. В медицине есть специальный термин, обозначающий болезненное состояние, вызванное недостатком родительской любви – “депривация”. У ребенка с депривацией могут возникнуть на нервной почве самые разные расстройства. В том числе и болезни органов.

Давайте задумаемся: многим ли здоровым людям достается столько внимания, заботы и любви, сколько нередко получают больные? Взять хотя бы человека, попавшего в больницу. И родственники, и друзья, и сослуживцы – все рвутся его навестить, утешить, рассказать что-то интересное, принести деликатес. Больного ребенка часто избаловывают так, что потом сами не знают, куда деваться от его капризов. И хотя на сознательном уровне люди, конечно, стремятся поскорее избавиться от своей болезни, бессознательно они могут ее продлевать, чтобы тем самым продлить заботу и любовь окружающих. В крайнем своем проявлении это выливается в психиатрический симптом под названием “уход в болезнь”.

Вы замечали, как старики любят во всех подробностях рассказывать о своих недугах и хворях? Повторяют одно и то же по многу раз. Не для того же, чтобы снова и снова услышать давно известные советы выпить валидол и побольше лежать. Нет, им (опять-таки, скорее всего, бессознательно) хочется сочувствия, внимания – словом, любви.

А как часто слышишь от родителей, у которых есть ребенок-инвалид, что они его почему-то любят больше своих здоровых детей. Они и сами не понимают, в чем тут секрет, ведь с рациональной точки зрения это абсурд: такой

ребенок требует гораздо больше усилий и затрат, которые к тому же никогда не окупятся, поскольку он не будет надежей и опорой в старости, не совершит ничего выдающегося, скорее всего, не продолжит род и даже неизвестно, доживет ли до зрелого возраста. И все равно его любят и жалеют больше, чем здорового. От чего другие дети нередко очень страдают. Порой они даже мечтают заболеть (а то и симулируют болезнь!), как бы пытаясь занять место больного любимца семьи.

Так что сцепка “счастье – здоровье” не столь безусловна, как кажется на первый взгляд. Правда, с одной оговоркой: сказанное справедливо для традиционного общества, в котором милосердие и защита слабых – одна из базовых ценностей, безоговорочная этическая норма. Такое общество (не только христианское) современные культурологи называют “теплым обществом лицом к лицу”.

Однажды мы слышали очень интересное выступление на конференции в Архангельске. Докладчик, настоятель университетского храма во имя святого праведного Иоанна Кронштадтского о. Евгений Соколов, иронизируя над тем, что здоровье сегодня становится чуть ли не главной ценностью, вспомнил такой случай. Когда один важный чиновник сказал ему дежурную поздравительную фразу типа “главное – здоровье, остальное приложится”, священник огорошил его довольно неожиданным ответом. А вернее, вопросом: “За что Вы меня так не уважаете?” Чиновник, понятное дело, изумился. Дескать, как не уважаю? Тогда о. Евгений продолжил: “Для кого важнее всего здоровье? Например, здоровые зубы?”

Немного подумав, чиновник ответил: “Ну, не знаю... наверное, для волка”.

– Правильно, – кивнул батюшка. – А ноги? Кто с переломанной лапой не убежит от волка?

– Заяц, – сразу угадал собеседник.

– Но я же не волк и не заяц, а человек! – заключил о. Евгений. – Зачем же меня приравнивать к бессловесной твари?

Зал весело рассмеялся, и докладчику, собственно, уже не обязательно было делать вывод о том, что здоровье – главная ценность ЖИВОТНОГО мира. И что, подхватывая эти псевдогуманные, а на самом деле очень коварные лозунги, мы невольно низводим человека, созданного по образу и подобию Божию, до уровня зверя.

Впрочем, и в животном мире царят не такие уж звериные законы неумолимого отбора, как те, о которых нам рассказывали на уроках “научного дарвинизма”. Здоровые самцы оленей в минуту опасности становятся кругом, заслоняя и защищая (подчас ценой собственной жизни) не только самок и детенышей, но и вроде бы бесполезных, старых и увечных сородичей. А чего стоят крысы-“звезды”, сросшиеся хвостами, абсолютно беспомощные, поскольку они ни кормиться, ни передвигаться сами не могут, находясь в состоянии глубокой инвалидности! И тем не менее остальные крысы, этот символ злобы и беспощадности, не уничтожают “обузу”, а берут на полное социальное обеспечение: кормят, поят и бережно переносят с места на место в период миграции.

Выходит, даже сравнение с животным миром не в пользу человека, который постепенно превращает здоровье в главную ценность? А если это не просто озверение, тогда что же? Какие еще аналогии могут прийти на ум?

Религия XXI века

Может быть, поклонение здоровью – это что-то вроде языческого культа? Сейчас много говорят о возрождении язычества, о неоязыческих тенденциях в современной культуре. И на первый взгляд, это похоже на правду. Здоровье – главное божество. Что-то вроде Зевса. Его жена – богиня Медицина. И целый пантеон более мелких, отпочковавшихся от них божков: Фитнес, Стоматология, Тренинг Общения, Массаж, Пластическая Хирургия... То, что раньше было обычными элементами жизни (например, массаж или поход к зубному), стало приобретать выразительно культовый характер. Сейчас уже никого не удивляет словосочетание “целительские секты”. Хотя вывески у них могут быть самые разные. И, конечно же, слово “секта” там не присутствует. “Трансцендентальная медитация”, центр йоги “Крылья совершенства”, “Рэйки” –

“Система Естественного Исцеления Усуи”, школа Норбекова, методика Акбашева, “Детка” Порфирия Иванова, валеологические школы и направления... От классических медицинских школ и направлений эти отличаются наличием особой духовной составляющей. По сути, каждая такая секта во главе со жрецом-гуру предлагает пациенту не просто лекарства для лечения ног, спины или глаз, а пытается приобщить его к своей вере, которая непременно отличается от традиционных религий.

Это не всегда предъясняется сразу. Человек, приходящий лечиться, как правило, поначалу не догадывается, что попал в секту. Сперва ему сообщают об оригинальной медицинской методике, которая незаметно, но неуклонно перерастает в оригинальное вероучение. А иногда подоплека обозначается с самого начала. Так, в одной из школьных программ по валеологии с простотой римлянина заявлялось: “Валеология – религия XXI века”.

Ко всем этим аргументам в пользу языческого поклонения здоровью как новому божеству можно добавить и вполне естественные переключки с жестким отношением к неполноценным и старикам в Древней Спарте. Можно вспомнить и Древний Рим, в котором считалось доблестью покончить жизнь самоубийством, если у человека обнаруживались какая-то серьезная болезнь или он просто дряхлел.

Так что когда слышишь про очередную цивилизованную страну, в которой наконец-то приняли гуманнейший закон об эвтаназии, мудро не вспомнить о том, что это где-то когда-то уже было. Разве есть принципиальная разница, отправить ли немощного старика на тот свет с помощью ядовитого укола или сбросив его со скалы в пропасть?

Аналогия с язычеством прослеживается и в отношении к неполноценным детям. Тенденция детских жертвоприношений на алтарь здоровья видна сегодня отчетливо. Все больше стран под давлением вездесущего мирового сообщества узаконивает убийство нерожденных детей, мотивируя это нездоровьем, нежеланностью младенца или угрозой для здоровья женщины. Гарантия сохранения жизни родившихся детей сегодня тоже висит на волоске. Питер Сингер, известный западный философ, преподающий биоэтику в Принстонском университете и даже, если нам не изменяет память, возглавляющий какой-то биоэтический комитет, получил от тамошних инвалидов отнюдь не метафорическое прозвище “Доктор Смерть”. За что? За смелый гуманистический проект. Сингер предложил узаконить убийство детей-инвалидов до года. А чтобы не вступать в противоречие с Декларацией прав человека, заменить оные “правами личности”. Зачем? Кто-нибудь пожмет плечами: мол, какая разница? А разница есть, причем немалая. В психологии считается, что первое осознание ребенком себя как личности происходит около полутора лет. Так что Сингер еще делает широкий жест, ограничиваясь годовой планкой. Потом, конечно, возрастной ценз может быть повышен.

Вы скажете: “Мало ли какой сумасшедший какую глупость сморозит?”

Но слово поистине творит реальность. А наше время отличается еще и тем, что промежуток между злыми словами и черными делами почти не наблюдаем. В данном случае не прошло и десяти лет, как в Голландии, стране, по загадочным пока для нас причинам ставшей одной из главных экспериментальных площадок “нового мирового порядка”, в 2004 г. было выпущено специальное руководство по “милосердному убийству” неизлечимо больных младенцев. Вскоре выяснилось, что таковые убийства уже осуществляются – детям дают смертельные дозы седативных препаратов.

А разве столь рекламируемая сейчас фетальная терапия чем-то принципиально отличается от лечения, которое практиковал языческий император Тибетский? Для него резали уже рожденных младенцев, чтобы он мог принять ванну из их крови. А для нынешних “хозяев жизни” убивают детей в утробе матери, поскольку добытые из них препараты якобы способствуют оздоровлению.

Правда, в многочисленных газетных рекламах это зверство называется “медициной XXI века”. Словосочетание “фетальная терапия” заменено политкорректным “терапия стволовыми клетками”, так как “fetus” по-латыни “плод”, и народу это стало известно.

В общем, аналогия с язычеством вроде бы полная. Но только вроде бы. Тут даже уместно употребить столь распространенное сейчас жаргонное “как бы”. Ну, а в чем же тогда разница? Разница в том, с чего мы, собственно говоря, начали: здоровье стало для современного человека главной ценностью.

А в языческом мире здоровье главной ценностью не являлось. И даже не было специального бога здоровья! Бог войны был, богиня любви была. Как и богиня плодородия (в понятие которого входило, естественно, и чадородие). Был бог торговли, бог морских глубин, бог смерти, бог кузнечного дела и богиня правосудия, богини памяти, балета, судьбы... Кто-нибудь, конечно, вспомнит про Асклепия, или, как называли его римляне, Эскулапа. Но и он не был богом здоровья, а считался покровителем врачей. Так сказать, корпоративным боссом.

И это не случайно. Разве можно поклоняться здоровью и одновременно ставить превыше всего воинскую доблесть, отвагу, служение родине? Без колебаний бросаться в бой, жертвовать жизнью – и два раза в день мерить давление... Безусловно, хорошее здоровье приветствовалось в языческом мире (“в здоровом теле здоровый дух”), но не в качестве самоцели, а чтобы лучше воевать, лучше работать, рожать больше детей.

Чего стоил один только гордый девиз “Со щитом или на щите”! Где тут место культу здоровья? Даже рабы-гладиаторы, которым, наверное, не хотелось умирать на потеху публике, вынуждены были, подчиняясь культурным установкам эпохи, стоически восклицать, проходя перед трибуной правителя: “Идущие на смерть приветствуют тебя!” В обществе, поклоняющемся здоровью, такое было бы невозможно.

А что сейчас? Для чего надо быть здоровым? Чтобы стать многодетной матерью? Какое там! И одного-то ребенка рожать небезопасно: зубы разрушаются, почки страдают, кожа на животе растягивается, грудь обвисает. А токсикоз – так тот вообще может быть смертелен! (Мы не шутим, именно так сегодня пишут в “гламурных” женских журналах.) Об армии и войне лучше вообще не заикаться – сочтут полоумным. Нет, конечно, приемами каратэ, ушу или айкидо овладеть полезно. Для самообороны. То есть опять же для защиты собственного здоровья, собственной жизни.

Но, может быть, здоровье нужно для плодотворного мирного труда на благо Отечества? Что за идиотский пафос! Хороша та работа, которая приносит больше денег и отнимает меньше сил. В идеале надо бы вообще не работать, а только получать денежки. Но это если уж очень повезет.

Ладно, отойдем от морализаторской патетики. Может, здоровье требуется хотя бы для любовных утех, многочисленных амурных побед? Чтобы стать – вспомним название рассказа Искандера и одноименного фильма – “маленьким гигантом большого секса”? Да нет. Даже здесь причина и следствие как-то незаметно поменялись местами. Теперь не здоровье для секса, а секс для здоровья. По рекомендации врача или заменяющего его журнала.

Одна из нас недавно, придя в гости, справилась у хозяев об общей знакомой, женщине довольно преклонного возраста – около 70 лет. И услышала, что та завела любовника на 30 лет моложе себя.

– Зачем? Ведь у нее уже правнуки! Неужели такая безумная любовь?

– Какая любовь?! – поморщилась хозяйка. – Просто Ольга Васильевна современный человек, следит за собой, за своим здоровьем. – И увидев на лице гостьи еще большее недоумение, снисходительно пояснила: – Это полезно, понимаешь? Даже газета специальная есть – “Секс для пожилых”. Нельзя так отрываться от жизни, дорогая. На дворе-то уже XXI век!

Выходит, здоровье нужно само по себе, а все остальное у него на службе? Похоже, что так. И похоже, в обществе это не вызывает никакого сопротивления, а, наоборот, принимается “на ура”. Разве были бы протесты против валеологии, если бы там не было элементов секс-просвета и оккультизма? Отнюдь. Да и аргументация против секс-просвета в основном базируется на том, что он вреден для здоровья. Прежде всего для психики. Именно это убеждает подавляющее большинство родителей и педагогов.

А кто будет возражать против такого, например, письма, опубликованного в журнале “Здоровье от природы” в разделе “Письмо номера” (то есть признанное лучшим) и озаглавленного “Самая благоразумная”?

“Мне 21 год, а я уже очень серьезно отношусь к своему здоровью. Мой организм не принимает ничего химического, все только натуральное – травяной чай, соки из овощей и фруктов. Каждое утро я обливаюсь ледяной водой и протираю лицо кубиками льда из зеленого чая. Стараюсь меньше умываться водой из-под крана. Иногда балую свою кожу минеральной водой, которой я орошаю лицо из спрея. Чтобы хорошо выглядеть, надо соблюдать несколь-

ко простых правил и ни в коем случае их не нарушать. Во-первых, никаких сигарет и алкоголя. Во-вторых, должна быть сбалансированная диета. Я не ем мясо, зато ем много зеленых овощей, петрушки, укропа, салата. Кроме того, я не пью кофе, не ем ничего сладкого, мучного, жирного. Мне удалось сократить до минимума потребление соли. Ей я предпочитаю лук, чеснок, соевый соус. А вообще, самое главное — это слушать свой организм, быть с ним единым целым. Надо помнить, что мы — часть огромного мира, природы”. (“Здоровье от природы”, апрель 2005 г., стр. 6.)

Ну, правда же, идеальная современная девушка? Она могла бы стать живым экспонатом выставки “Здоровый город” или лидером движения “За здоровую Россию”. Разве что психиатр заподозрил бы в этой, мягко говоря, преждевременной увлеченности своим здоровьем не совсем здоровое состояние психики. Хотя если в “здоровой России” будет принято с малолетства “слушать пение кишок” и вообще проявлять повышенное внимание к работе организма, то уже не девушку, а самого психиатра сочтут ненормальным.

Вот пример из того же ряда, но более гротескный, а потому пока что опознаваемый как “сдвиг по фазе”. Молодой женщине изменил муж. Она в негодовании. Но не потому, что ее мучает ревность.

— Я абсолютно не ханжа, понимаю и принимаю сегодняшние правила игры. Мужская физиология требует разнообразия, с этим не поспоришь. Но как он посмел меня заразить? Он же знает, как я слежу за здоровьем, как для меня важно быть абсолютно, идеально здоровой. Нет, этого я ему никогда не прощу! Изменяй, но с соблюдением правил гигиены!

Можно было бы подумать, что, потеряв от обиды и возмущения голову, бедная женщина просто несет что-то несусветное. Но монолог на этом не заканчивался, и в нем была своя, вполне выстроенная логика.

— Я его и сама не люблю и никогда не любила. Но пока разводиться не собираюсь. Сыну всего 9 лет, я его одна не потяну. А когда мальчик подрастет, поступит в институт, я найду себе другого мужа, более перспективного. Но для этого надо быть в идеальной форме, иметь товарный вид.

Вот они, ключевые слова: “товарный вид”!

Всё на продажу

И что же нам этот ключ откроет? Может быть, как раз ту самую дверь в неязыческую реальность? Но разве отношение к своему телу как к товару типично для язычества? В какой-то степени — да, но лишь в той, в которой язычество связано с рабовладением. Раба действительно считали товаром, и чтобы продать по выгодней, старались придать ему соответствующий вид.

Но неужели эта женщина считает себя рабыней? У нее, что, есть хозяин? Наоборот! Мужа она ни в грош не ставит, а себя считает полноправной хозяйкой и творцом своей судьбы.

Нет, это психология, присущая новому человеку, члену общества потребления. Обычно, когда мы слышим это словосочетание, перед нами встает образ человека-потребителя. Но в том-то и фокус, что в современном обществе потребления каждый человек, независимо от своего статуса, является как потребителем, так и товаром! В рабовладельческом обществе рабовладельцы товаром не были, потому и психология у них была другой. Они могли себе позволить умереть за идею, за родину, за поруганную честь. А вот рабам эта роскошь была недоступна. Им здоровье или красота нужны были не ради какого-то высокого идеала, а просто для того, чтобы выжить, подольше протянуть, не быть выброшенными как сломанная вещь, ветошь.

Когда практически все в обществе начинает рассматриваться в аспекте потребления, все становится товаром. Не только чашки, диваны, машины и дачи, но и люди. Недаром нам уже лет семнадцать с параноическим упорством втемешивают в голову, что человека всегда можно купить. Если он не продается, значит, просто мало дали. Вопрос только в цене. Других вопросов нет.

В Америке, которую можно смело назвать “королевой потребления”, давно уже принято говорить о человеке, что он стоит столько-то. И никого это не обижает. Чем дороже, тем больше уважения.

Итак, человек становится товаром. Но товар — и это внушают нам с меньшим упорством — должен быть суперновым. Если вещь хоть чуть-чуть

износилась, с ней надо без сожаления расстаться, выбросить на помойку. Какой смысл чинить, если можно тут же купить новую, еще моднее, еще совершенней?

Совсем недавно мужа, бросающего жену, которая заболела раком, презирали, считали подонком. Теперь же... Нет, конечно, это еще не норма. Такой поступок нуждается в оправданиях, но они находятся без труда. Дескать, зачем губить две жизни? Больную женщину, обреченную на мучительную смерть, безусловно жаль. Но ведь ОБРЕЧЕННУЮ! Значит, муж, который будет гробить свою здоровую жизнь у постели умирающей, приносит совершенно бессмысленную жертву. А он еще молодой мужчина (это обычно говорится с особой интонацией, с намеком на интимную сферу, которая должна быть полноценной, что нереально с умирающей женой). Что ему, похоронить себя заживо, что ли?

Легко себе представить, что через некоторое время подобные оправдания уже не будут нужны. Но пока мы в переходном периоде, новая жизнь платит старой небольшую дань, чтобы та “не возникала”.

А вот сентенции типа “лечись, кому ты будешь нужна больная” уже стали нормой. Причем говорится это обычно от чистого сердца, с лучшими намерениями. Такой добрый совет может дать любящая подруга или даже мать. И в этом совете уже практически не содержится ни сарказма, ни даже осуждения жестокосердного общества. Нет, это спокойная констатация новой реальности и готовность осудить близкого человека, который не понимает, что этой реальности следует соответствовать.

— Как ты ходишь? Сделай нормальные зубы! Тебе же на работу устраиваться, — говорят мужчине, который устраивается вовсе не в Москонцерт на ставку конференсье, вынужденного по долгу службы улыбаться во весь рот.

А уж если хозяин фирмы уволил сотрудника, который часто болеет, так это вообще в порядке вещей! Какой дурак будет держать доходягу, когда можно взять молодых, здоровых? Зачем старая вещь, когда можно купить новую? Зачем держать больного, если, только свистни, прибегут здоровые? Зачем донашивать потертые брюки, если вышел на улицу и на первом же лотке купил обновку, причем недорого?

Здоровье становится тождественным новизне вещи. Вещь покупают новую, а человека — здорового. Это касается всех слоев общества. Например, в новой реальности в состав бизнес-элиты входят управляющие высшего звена, называемые топ-менеджерами. Это очень богатые по сравнению с простыми смертными люди. По своим финансовым возможностям они вполне могли бы в прежние времена завести рабов. Но и над ними висит дамоклов меч увольнения в случае пошатнувшегося здоровья. Чтобы успешно выполнять свои функции, они должны быть в хорошей форме.

Товарно-потребительский подход коснулся даже властей предрежащих, то есть тех, кто определяет характер общественного устройства и формат отношений в государстве. Помните, как немолодые и отнюдь не напоминающие свои сложением Аполлона Гаврила Попов, бывший тогда мэром Москвы, и его заместитель Юрий Лужков вдруг начали публично купаться в проруби и демонстрировали на страницах газет свои голые животы? Наивный народ думал, что хозяйева Москвы малость сбрендил от обрушившейся на них власти. А на самом деле политики обладают более тонким, по сравнению с простыми смертными, чутьем. Они почувствовали, что одним из главных критериев успешного политика в новой реальности является отменное здоровье. А моржевание, теннис или резвый бег по футбольному полю (помните, команда Президента против команды тогда еще Верховного Совета?) — это публичное подтверждение, что политик находится в должной физической форме.

Наш мысленный слух уже улавливает реплику: “Ну, вы даете! По-вашему, хорошее здоровье политику не важно? Пускай будет развалиной, да?”

Рискуя навлечь на себя читательский гнев, все-таки смеем утверждать, что телесное здоровье для государственного деятеля желательно, но не обязательно. Паралитик Рузвельт, по отзывам историков, неплохо правил своим государством. А теннисист Ельцин вместе с Горбачевым наше государство разваливали с истинно спортивной прытью.

Давайте отвлечемся от современных стереотипов и спросим себя, какие качества во все времена и во всех культурах считались наиважнейшими для государственных мужей? Ну конечно, прежде всего мудрость. Поэтому если трон

занимал малолетний наследник, королевством управлял регент. А если юноша, это вызывало тревогу подданных: молод, горяч, может наломать дров.

Такие понятия сохранялись до конца 80-х годов теперь уже прошлого столетия. Что мы постоянно слышали о наших правителях? Мудрый Ленин, сверхмудрый Сталин (“Сталин думает за нас”), мудрая-премудрая партия. Пожалуй, только одна форма нездоровья лишала властителя авторитета: слабоумие. Именно поэтому так издевались в советских анекдотах над бедным Брежневым.

Затем произошла хитрая подмена. Будто при стремительной переброске из “застоя” в “перестройку” обрели прилагательное “умственное”, и осталось только “здоровье”. В 1996 г. имиджмейкеры первого Президента свободной России уже не считали нужным придумывать ему какие-нибудь умные речи или хотя бы заявления, а заставили перед переизбранием для поднятия рейтинга публично отплясывать рок с шунтами в сердце. И народ в массе своей заглотнул эту наживку. Не в том смысле, что все дружно побежали голосовать за Ельцина. А в том, что не подвергли сомнению саму постановку вопроса: кандидата в Президенты предлагалось оценить не по его умственному или душевному здоровью, а по физической форме. Дескать, во какой крепкий мужик, после двух инфарктов так лихо рок отрывает!

И люди, будто загипнотизированные, пошли по этому ложному пути, азартно обсуждая, сам Ельцин плясал в телевизоре или его двойник, накачал его перед этим допингами или он по старинке охлестнул стакан...

Ну, ладно. Пиар с сердцем еще как-то можно объяснить. Конечно, нежелательно, чтобы у главы государства оно внезапно, в самый неподходящий момент перестало биться. Но ценностные ориентиры продолжали искажаться. Через несколько лет, в период другой выборной кампании, популярный телеведущий раздобыл снимок тазобедренного сустава другого известного политика (как выражались в народе, “берцовую кость Примакова”). И на этом основании уверял телезрителей в полной политической непригодности кандидата с таким повреждением здоровья. И мало кто говорил, что это сущий бред, а говорили, что неэтично обсуждать чужое здоровье в СМИ и что нехорошо нарушать врачебную тайну.

Хотя и в данном вопросе уже не было единодушия. Наиболее прогрессивная часть избирателей (кстати, почему-то, в основном, из патриотического лагеря) очень даже поддержала такой подход, и в скором времени патриоты начали рекламировать проект закона, в котором предлагалось ежегодно оценивать состояние здоровья действующего Президента. Примерно как оценивают летчиков перед полетом. И при отклонениях от нормы отправлять главу государства в отставку.

До утверждения в Думе законопроект, правда, не дошел: депутаты произвели нехитрую экстраполяцию и сообразили, что при таком развитии сюжета они тоже, скорее всего, не усидят в своих креслах. Но в народе идея была воспринята с энтузиазмом.

И когда выбирали Путина, упор как раз делался на то, что он молод, здоров, прекрасный дзюдоист и лыжник. Чтобы видели: кремлевский товар на сей раз со знаком качества.

Итак, общество потребления – это общество сплошных рабов, где человек, даже если он господин, является товаром, который можно купить. А здоровье – необходимое условие для того, чтобы быть купленным. Когда понимаешь это, лозунг наших реформаторов “мы должны сделать так, чтобы болеть стало невыгодно” обретает дополнительный смысловой объем.

Пока еще картина “прекрасного нового мира” не явлена нам во всей красе. Она полуприкрыта завесой традиций. Но завеса эта становится все более тонкой, все более прозрачной. Скажем, запрет на торговлю органами – это еще дань традиции. Хотя уже не очень просто объяснить современному молодому человеку, почему, собственно, ее надо запрещать. Если кто-то хочет продать свою почку, кому какое дело? Он же хозяин своих органов! Но тут пока мнения все-таки расходятся.

А вот что касается клонирования органов, по этому вопросу мы, похоже, имеем общественный консенсус. Кто будет возражать против выращивания на продажу почек, печени, сердца, руки, ноги? Разве что с клонированной головой может выйти заминка. Как-то уж очень непривычно и что-то внутри подсказывает: “Нет, это нельзя!” Но почему нельзя, в потребительской парадигме объяснить непросто.

Когда же завеса традиций окончательно будет сдернута, больные люди, не имеющие денег на “ремонт” или “ремонту” не подлежащие (ведь далеко не все еще болезни научились лечить), будут списаны как бракованный товар. Существование по этим новым законам очень доходчиво показано в популярных сейчас антиутопиях Ю. Вознесенской, живущей на Западе и потому наблюдающей глобалистский проект в более продвинутом варианте. Герой ее романа “Паломничество Ланселота”, юноша в инвалидной коляске, заранее оповещен о сроке принудительной эвтаназии. Она грозит ему в 25 лет, а когда он теряет работу, срок сокращается еще на 2 года. И ни он сам, ни его многочисленные близкие не подвергают сомнению законность такого фашизма, а лишь судорожно ищут исцеления. Не стоит утешать себя тем, что это измышления автора и что на самом деле в западных странах – да и то не во всех – эвтаназия добровольная, а не принудительная. Очень многие вещи, которые казались нереальными еще вчера, сегодня уже настолько привычны, что воспринимаются как бывшие от века.

Сила немощных

Но не стоит впадать в уныние. Если зло активизируется, значит, добро бездействует. Глобалистская агрессия – это прежде всего битва за умы. Следовательно, главная задача антиглобалистов – наведение порядка в голове (прежде всего в собственной). Тогда никакой “новый мировой порядок” не возобладает.

И, в отличие от левых антиглобалистов, во многом руководствующихся в своей борьбе личными, субъективными взглядами, вкусами и пристрастиями (тем, что можно определить словом “самость”), у православных противников глобализации есть единый компас – учение Церкви, не плод чьих-то досужих домыслов, а истина, данная нам Богом через Его святых.

Как же учит христианство относиться к здоровью? Вопрос этот теснейшим образом связан с вопросом о смысле жизни, ведь именно ее позволяет продлить хорошее здоровье и укорачивает плохое. Но для христианина смысл жизни лежит совсем в другой плоскости и находится за пределами жизни земной. Это стяжание Духа Святого и спасение души для жизни вечной. И здоровье вовсе не есть залог вечного спасения. “Любовь к Богу осуществляется чрез одно только душевное действие, не нуждаясь для этого в содействии тела; подобным образом и вера есть показатель одной только психической энергии; точно так же и надежда совершается одною только психической энергией; равно как и смиренномудрие действует и поддерживается чрез энергию души. И вообще говоря, все необходимые (для спасения) духовные добродетели, корень и основание которых есть чистота сердца, совершаются при помощи одной только духовной энергии нашей разумной души, не нуждаясь для своего выполнения в теле. Поэтому и увечные, и больные, и неподвижные телом чрез эти добродетели, посредством душевного действия, могут благоугодить Богу”, – поучал преп. Анастасий Синаит, святой, живший в VII веке. (“Святоотеческая христология и антропология”, православное общество “Панагия”, Пермь; Православно-просветительской центр “Пересвет”, Москва, 2003, стр. 18.)

И даже наоборот, – по крайней мере, в современной жизни – отменное здоровье, дающее человеку силы не столько на подвиги, сколько на удовлетворение разнообразных страстей, нередко уводит его от Бога, препятствует спасению. А поворот к Богу начинается как раз, когда здоровье пошатнется, порой очень серьезно. Тогда-то, поскольку немощь мешает полнокровной жизни тела, появляется время остановиться, оглядеться, подумать о чём-то выходящем за пределы сиюминутных житейских проблем.

Конечно, мы, приветствуя кого-то при встрече, всегда желаем ему здоровья (“здравствуй!”). И Церковь молится о здравии своих чад. Но одновременно – помните “Покаянный канон ко Господу Иисусу Христу”? – предупреждает: “Не уповай, душе моя, на телесное здравие и на скоромимоходящую красоту”.

Не в назидание ли скептикам, а также тем, кто готов согласиться с глобальным переустройством мира, где больным и немощным уже не будет места (“Зачем плодить уродов и продлевать жизнь калекам? Чтобы они мучились

и мучили других?”), не в назидание ли всем нам, возведшим здоровье в абсолют, Господь в последнее столетие так часто являл чудеса именно через самых немощных, самых больных, самых, казалось бы, никчемных людей?

Ярчайший тому пример – блаженная Матрона Московская, одна из наиболее почитаемых святых последнего времени. Она была не просто незрячая от рождения. У нее, как у евангельского слепца, даже не было глазных яблок. А в семнадцать лет еще и отнялись ноги.

Как будто специально для современных женщин сохранилось свидетельство о том, что Матрона была нежеланным ребенком. “При той нужде, в которой жили Никоновы (родители Матроны. – Авт.), четвертый ребенок мог стать прежде всего лишним ртом. Поэтому из-за бедности еще до рождения последнего ребенка мать решила избавиться от него, – повествуется в книге “Житие и чудеса святой праведной блаженной Матроны Московской”. – Об убийстве младенца во чреве матери в патриархальной крестьянской семье не могло быть и речи. Зато существовало множество приютов, где незаконнорожденные и необеспеченные дети воспитывались за казенный счет или на средства благотворителей. Мать Матроны решила отдать будущего ребенка в приют князя Голицына в соседнее село Бучалки, но увидела вещий сон. Еще не родившаяся дочь явилась Наталии во сне в виде белой птицы с человеческим лицом и закрытыми глазами и села ей на правую руку. Приняв сон за знамение, богобоязненная женщина отказалась от мысли отдать ребенка в приют. Дочь родилась слепой, но мать любила свое “дитя несчастное”. (Издание Свято-Покровского ставропигиального женского монастыря. М., 1999, стр. 5.)

Но как раз это, по мирским понятиям, “несчастное дитя” вскоре стало кормилицей и славой семьи. И именно Матрону, беспомощную калеку, а не кого-то более “полноценного” святой праведный Иоанн Кронштадтский назвал своей сменой, “восьмым столпом России”.

Поразительна и история Григория Журавлева, который родился в Самаре, как сейчас говорят, “обрубком” – без рук и без ног. Если бы такой плод продиагностировали на УЗИ, то наверняка рекомендовали бы аборт. И очень многие люди, в том числе православные, поддержали бы такую рекомендацию. Но в конце XIX в. УЗИ еще не было, поэтому младенец с таким страшным увечьем появился на свет. А поскольку он был еще и девятым (!) ребенком в семье, естественно, пошли разговоры про лишний рот.

Но одна прозорливая старица предсказала родным Григория, что именно этим ртом он и накормит всю семью. Как часто бывает с предсказаниями, смысл проявился не сразу. Кто бы мог подумать, что Григорий станет церковным художником и будет рисовать ртом?! В музее Самарской семинарии хранятся иконы его письма. А в деревне Утеевка он расписал целый храм! Братья держали его на руках, а он держал в зубах кисть. Трудно даже вообразить те муки, которые испытывал этот великий подвижник. По крайней мере, известно, что он полностью сточил себе зубы. А пророчество сбылось буквально: император Александр III назначил Григорию Журавлеву пожизненную пенсию, на которую смогла прожить вся его родня.

Можно вспомнить и Матрону Анемнясевскую, физически недоразвитую из-за своего увечья настолько, что она помещалась в небольшом ящичке; и Дуню Дивеевскую, которая в детстве почти не двигалась, а потом и вовсе перестала, но была знаменита своим благодатным душепопечительством – множество заблудших людей она наставляла на путь праведности; и не прославленного еще блаженного старца Димитрия из села Пески Московской области, разбитого параличом. Его дар прозорливости подтвержден множеством свидетельств, которые публиковались в прессе. Сколько их было – сильных в немощи!

Иногда приходится слышать, что сейчас “развелось слишком много старцев”. Будто кто-то знает их количественную норму. Мы уж точно не знаем. Но зато можем засвидетельствовать, что из виденных нами людей, которых народ почитает за старцев, большинство были тяжелыми инвалидами. А немалая часть, как принято сейчас выражаться, “инвалидами детства”. Причем такими, которые без посторонней помощи вообще не могут существовать.

К примеру, Алексей Федорович, или, как его чаще зовут, невзирая на возраст, Алеша из Старого Оскола. Самостоятельно он не в силах ни ходить, ни сидеть, ни разговаривать. Люди, которые за ним ухаживают, носят его на руках, как ребенка. Общается он, показывая буквы на табличке, а его помощники озвучивают то, что он хочет сказать.

Но духовная сила старца Алеши так велика, что к нему стекается множество крепких, здоровых людей. За поддержкой, советом, молитвой. Кто в ком больше нуждается: он в людях или люди в нем? Ему достаточно одного-двух опекунов, а его помощи жаждут тысячи. Поистине, “сила моя в немощи совершается...” Господь через таких Алеш будто предупреждает нас, чего лишится мир, если оставит право на жизнь только здоровым и благополучным.

Когда мы писали этот очерк, нам вдруг пришло в голову поинтересоваться, сколько раз в Священном Писании употребляется существительное “здоровье”. Оказалось, всего два!

Первый раз, когда Иосиф, увидев братьев, “...сказал: “Здоров ли отец ваш старец, о котором вы говорите?” (Быт. 43:27.)

И второй раз в Притчах Соломоновых: “Не будь мудрецом в глазах Твоих, бойся и удаляйся от зла; это будет здравием для тела и питанием костей твоих” (Пр. 3:7-8.)

Такой рецепт здоровья дает нам Библия.